

«КУЛЬТУРНАЯ КАТАСТРОФА» РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

XX век – достаточно значимый период в развитии русской традиционной культуры. Сегодня в науке обнаруживается тенденция переноса внимания с архаических форм культуры на современные. Все большее внимание ученые уделяют современным фольклорным жанрам [1, С. 14]. Современный фольклор противопоставляется традиционному деревенскому. Традиционную же сельскую культуру в научной среде иногда иронически называют "традиционкой" [4, С. 5-24]. Ученые, занимающиеся изучением таких современных феноменов, осознанно противопоставляют их традиционному сельскому фольклору и предлагают для предмета своего исследования название "пост-фольклор" [3, С. 4]. Их внимание в первую очередь привлекают маргинальные жанры и явления городской культуры, а судьбы традиции в современном мире им неинтересны. Часть исследователей увлеченно изучает традиционную сельскую культуру XIX - начала XX веков, другая часть сосредоточила свое внимание на современном пост-фольклоре. При этом весь советский период истории России оказывается во многих аспектах чем-то вроде черной дыры. Процесс постепенного разрушения традиционной сельской культуры в динамике не слишком интересует исследователей.

После событий 1917 года начинается нескончаемая борьба между теми, кто стремился сохранить народную культуру, и теми, кто хотел её уничтожить. Между ними соответственно были те, кто пытался ее модернизировать, вкладывая в старые обычаи, праздники, обряды новое содержание.

Без особых симпатий относилось к традиционной культуре большинство приверженцев идеи агитискусства. Аналогичной позиции придерживались некоторые поэты и писатели, например, В. Маяковский и А. Безымянский.

Находились люди, отрицавшие перспективность традиционного народного творчества и среди теоретиков новой художественной самодеятельности. К таким можно отнести А. Пиотровского, не раз заявлявшего в своих публикациях о том, что обращение к прошлому мешает самодеятельности держать руки на пульсе современной жизни.

Особенно осложнялось отношение к традиционной народной культуре в тех случаях, когда на нее начинали смотреть сквозь призму политики. В партийных верхах было немало людей, которые, называя себя подлинными революционерами, испытывали неприязнь ко всему устойчивому и повторяющемуся в жизни человека. Их болезненно влекла к себе сама возможность изменять и перетряхивать общество, взрывать привычный порядок вещей, делать что-то такое, чего раньше в принципе не было. К таким людям относился Л.Д. Троцкий. Похожие установки исповедует Н.И. Бухарин, считавший, что нормально развивающемуся обществу надлежит бояться равновесия, ибо общество должно непрерывно меняться.

Наша отечественная история оказалась урезанной и искаженной. Исторически правдивое представление о прошлом подменилось бездоказательным подчеркиванием отсталости. Все дела наших предков, за редким исключением, рассматривались как не имеющие никакой исторической ценности. Хорошим тоном считалось всяческое расхаивание дореволюционной эпохи.

Сознание человека при подобном отношении к российской истории оказывалось разорванным. Пропадало чувство исторической преемственности. Такой истории, которую тогда преподносили, можно было только стыдиться. Справедливости ради следует отметить, что через некоторое время партия спохватится и попытается несколько исправить положение. Во всяком случае, И.В. Сталин после 1931 г. будет осторожнее и не станет больше заявлять, что в старой российской истории ничего светлого не было и вся она состояла из одних позорных поражений.

Традиционной народной культуре не повезло в послеоктябрьский период

еще по одной причине. Носителем этой культуры было крестьянство, а отношения с ним у советской власти складывались довольно непросто. Большевики постоянно подчеркивали двойственную природу крестьянина как собственника и как труженика, что считалось основным фактором колебаний его между пролетариатом и мелкой буржуазией [5, С. 117-121].

По своим масштабам и драматизму разгром народной культуры в XX веке может быть определён как культурная катастрофа, пережитая традиционной крестьянской культурой в годы коллективизации, за которой под натиском бессмысленных преобразований в 60-70-е годы последовало не менее драматичное разрушение самой деревни [2].

В 20-30-е годы происходит разгром патриархальной культуры русского крестьянства. Народное искусство начинает подвергаться жестокой критике как искусство «архаическое, уводящее от современных проблем» [2].

Сложное соподчинение народного творчества с общеполитическими и социальными факторами, его нередко искусственная включенность в политические структуры общества, с одной стороны, и активное проведение со стороны государства, партийных и общественных организаций по отношению к традиционному творчеству целенаправленной линии на подавление – с другой, вынуждают признать наличие искусственно созданных неблагоприятных условий для его развития в России уже в 20-30-е годы. Особенно это касается обрядовых и фольклорных форм творчества.

В годы культурной революции советского периода левобольшевистскими лидерами предпринимались попытки привнести в нашу жизнь новый образ мышления, новые ценности, выжигание каленым железом островков традиционной, прежде всего нематериальной, народной культуры, считая их пережитками прошлого.

Национальный характер, и национальные привычки, и традиции – очень устойчивое в историческое время явление. И все же, как ни разрушались многие ценности традиционной народной культуры, – ни в духовной, ни в материальной сфере она не претерпела фатальных крушений за этот период.

Раскрестьянивание явилось основной объективной предпосылкой, изменившей принципиально народно-культурную ситуацию. Официальная установка на неё как на отжившее, архаическое явление, неспособное служить нарождающемуся социалистическому обществу, явилась научным (точнее, лженаучным) оправданием процесса разрушения культурного сознания этноса.

Народная культура после революции превратилась в общественном сознании в хлам культуры, в антиэстетическое явление. Мощная машина государственного подавления фольклорного движения нанесла ему не меньший вред, чем раскрестьянивание.

Насаждение в массовом сознании идеологии нетерпимости к традициям, к народной культуре, привело к тому, что они действительно изгонялись из жизни якобы из-за их патриархальности и несовременности.

Итак, традиционная культура в советский период разрушалась не сама по себе. Государство вело сознательную политику искоренения "пережитков прошлого" и активно боролась с церковью. Соответственно, в первую очередь власть стремилась уничтожать обряды и традиции, несущие религиозную символику. Поскольку за короткий срок заставить людей отказаться от традиций, являвшихся основой их жизненного уклада, было сложно, государство не всегда решалось искоренить "старые обряды", а, скорее, пыталось вытеснить их так называемой "социалистической обрядностью". Вот как мотивировалось появление и развитие социалистических традиций советской наукой: "С изменением образа жизни и мировоззрения людей, с общей нравственной атмосферой социалистического общества, где господствует оптимистическое мироощущение, связана потребность в новых праздниках и обрядах, в их соответствии идеям нового общественного устройства, новым отношениям между людьми, основанным на принципах коллективизма, гуманизма, интернационализма, нравственных нормах коммунистической морали. Поэтому с первых лет Советской власти КПСС уделяет постоянное внимание вопросам пропаганды и внедрения гражданских праздников и обрядов".

Для периода с 1917 года до середины 1930-х годов, завершившегося обескровившим деревню и поставившим даже часть районов Черноземья на грань мучительной голодной смерти раскулачиванием и массовыми ссылками, характерно крайне жесткое и последовательное уничтожение старых обрядов или грубая перелицовка их "на новый лад". Новые традиции получили название "красной обрядности": "В начале 1920-х гг. с целью противодействия церковной обрядности комсомольцы и молодежь устраивали "красную пасху", "красное рождество", сопровождавшиеся массовыми агитационными действиями и зрелищами... В первые послеоктябрьские годы получили распространение в быту "красные свадьбы", "красные крестины" ("октябрины", "звездины"), гражданские панихиды ("красные похороны"). Они имели ярко выраженную атеистическую направленность, пропагандировали советский образ жизни, новые взгляды на общественные и брачно-семейные отношения". Судя по имеющимся данным, "красная обрядность" не получила широкого распространения даже в городской среде, а в деревне была настоящей редкостью, хотя почти каждый такой случай с воодушевлением описывался в местной печати.

С самого начала власть уделяла повышенное внимание новым революционным праздникам. В 1918 году общегосударственными праздниками были объявлены не только привычные нам 7 ноября, 23 февраля, 8 марта, 1 мая, но и 22 января (в память о "кровавом воскресеньи"), 12 марта (день падения самодержавия), 17 января (день памяти Карла Либкнехта и Розы Люксембург), 22 декабря (день памяти московского вооруженного восстания), 16 апреля (день приезда Ленина в Петроград). Эти праздники отмечались, главным образом, в городской среде. Разработанные новой властью праздничные мероприятия (парады, праздничные концерты, салюты, торжественное сожжение чучела "буржуя") подходили для города, но оказывались совершенно неосуществимы в деревне. Кроме того, к вящему неудовольствию борцов с пережитками в сельской среде население сильнее держалось за традиционный жизненный уклад и сильнее сопротивлялось революционным "новшествам".

Некоторые праздники советская власть пыталась вводить специально для крестьян. Так, в 1923 году Н.К. Крупская опубликовала в газете "Правда" статью "Праздник урожая". В ней предлагалось "развивать старые обычаи на новой основе". По замыслу руководства страны, "день урожая должен был на новой основе продолжить старые народные обычаи, сопровождающие летние и весенние работы по уборке урожая". Первоначально власти сочли целесообразным частично поступиться принципами – в первые годы День урожая был официально приурочен к христианскому празднику "Спаса Преображения" (в народе он широко известен как "Яблочный Спас"), в дальнейшем этот праздник в разных местностях стали отмечать в разное время. Традиционный крестьянский праздник пытались "модернизировать", превратив его в "полезный" для советской власти. "Первоначально праздник выполнял вполне определенную народнохозяйственную миссию, в его задачу входили пропаганда более совершенных агротехнических методов ведения сельского хозяйства и устройство показательных сельскохозяйственных выставок. На таких праздниках были популярны импровизации с разыгрыванием сцен на злободневные темы сельской жизни, как "суд над трехполкой", "похороны сохи", "суд над плохим земледельцем" [6, С. 20]. У любого, кто хоть чуть-чуть знаком с тем, что из себя представляет традиционный крестьянский праздник, не остается сомнений, насколько искусственной и чужеродной оказывалась на нем "пропаганда более совершенных агротехнических методов".

Нет ничего удивительного в том, что все эти "суды над трехполкой" совершенно не прижились в крестьянской культуре, да и "популярность" их даже в 1920-е годы вызывает большие сомнения. С другой стороны, можно предположить, что, официально разрешив "Праздник урожая", советская власть на несколько десятилетий продлила бытование северо-русского праздника пожинаха (или соломата). Более того, в Беларуси аналогичный праздник дожинки успешно бытует до сих пор.

В народном творчестве распространилась идея использовать фольклорные возможности для восхваления побед и достижений социализма, личностей

Ленина и Сталина, других руководителей государства. Народный хор им. М. Пятницкого и созданные по его образцу десятки других народных хоров (Воронежский, Северный, Кубанский, Сибирский, Омский, Волжский и др.), сотни профессиональных ансамблей народного танца, оркестры народных инструментов, основанные по типу великорусского оркестра В.В. Андреева, стали представлять "правильную" фольклорную линию в народном творчестве, которая поддерживалась и поощрялась [2]. В репертуаре этих коллективов доминирующее положение занимали произведения, написанные в народном духе. Тем не менее, они олицетворяли собой народную культуру.

Весьма характерным для послеоктябрьского периода было негативное отношение к крестьянской поэзии. В 1927 г. «Правда» напечатала антиесенинские «Злые заметки» Н. Бухарина.

Вес это не могло не отразиться на судьбах народной крестьянской культуры. На нее тоже стали смотреть как на что-то устаревшее, вредное, не имеющее перспективы развития. Серьезные трудности переживали в эти годы даже ориентированные на фольклор профессиональные коллективы. Большим потоком шли гневные письма в газеты и на радио, авторы которых считали, что традиционное искусство безнадежно устарело и место ему на свалке: «Кому нужны эти песни со слезными жалобами, ведь мы строим великое, светлое будущее, где новая деревня, где оптимизм, веселье и мажор?».

В 1930 г. на страницах журнала «Радиослушатель» был устроен заочный суд над хором им. Пятницкого. Прекрасный художественный коллектив обвиняли в «отсталости», «реакционности», «аполитичности». В одной из напечатанных в журнале статей содержалась следующая оценка хора: «В момент коренной перестройки бытовых условий крестьянства, идущего в колхоз, в период бурного роста культурного уровня трудящихся деревни и окончательной ликвидации безграмотности – репертуар хора Пятницкого не нужен».

Большие надежды возлагались в рассматриваемый период на то, что можно будет создать «новый современный фольклор». Однако дело оказалось

не столь простым, как думали. Крахом окончилась попытка заменить старые героические былины героическими «новинами». Ничего не получилось с сочинением новых советских сказов. Сказы о Ленине, Сталине, Чапаеве, о революции и гражданской войне оказались крайне убогими и соответственно недолговечными. Бессильными здесь были даже такие талантливые люди, как Марфа Крюкова и Петр Рябинин. Сказы никак не хотели сочиняться по партийному заказу.

Пробовали в срочном порядке обновлять певческий репертуар в фольклорных коллективах. Проводились даже специальные фестивали, где хоры и ансамбли должны были выступать только с новыми колхозными песнями. Но истинно народного в этих скороспелых поделках ничего не содержалось. Еще хуже получилось с новыми колхозными частушками. Мажор в них действительно присутствовал: частушки, воплощая на сцене сталинский афоризм «жить стало лучше, жить стало веселей», рассказывали о великом процветании деревни и счастливой колхозной жизни. Пели их, может быть, и неплохо. Однако звучали вымученные сочинения только со сцены. Дома в быту на досуге их никто никогда не пел.

Несколько лучше обстояло дело с массовой песней. Положение здесь спасало то, что сочинением таких песен занимался целый ряд действительно талантливых поэтов и композиторов. В этом репертуаре, оказавшемся способным к обширному проникновению в повседневный обиход, встречались и довольно удачные песни, написанные в русской народной манере. Но это был уже не фольклор, а то, что называется фольклоризмом.

Со временем народные сказы стали все больше и больше походить на полные апологетики передовицы центральных газет. «Знает все он наши думки-думушки, всю-то жизнь свою о нас заботится», – пели, скатываясь к общепринятой конъюнктуре, народные сказатели тридцатых годов XX века о великом вожде, который в это самое время целенаправленно уничтожал русскую деревню, проводил один за другим громогласные судебные процессы над «врагами народа» и т.д. [5, С. 117-121].

Между тем деревня оставалась во многом архаической. Превенные традиции, обычаи поддерживались искусственным "замораживанием" деревни (ее жители не могли менять место жительства без специального разрешения вплоть до 60-х годов). В активном обиходе оставались многие обряды – свадьбы, крестины, похороны, народное пение, игра на гармонике, балалайке. Еще живы были действительно выдающиеся народные исполнители, чье мастерство, знание народной культуры, умение его творить складывались в пору активного бытования традиций. Они формировали вокруг себя фольклорную среду. В целом внутридеревенский бытовой уклад сохранял черты предреволюционного. Новые явления не приводили к коренным изменениям культурного уклада жизни.

Народная культура в предвоенные десятилетия еще не была разрушена как целостное эстетическое явление. В ее недрах происходили, нередко подспудно, сложнейшие эволюционные процессы, затрагивающие прежде всего качественные стороны ее дальнейшего бытия.

Значительно ускорился темп разрушения культурно-бытового уклада после коллективизации, а затем во время Великой Отечественной войны. Если коллективизация положила начало этому процессу, то война, переместив сотни миллионов людей из исконных мест проживания, уничтожила фольклорную среду по существу на всей европейской части территории СССР. Гибель 30 миллионов людей нанесла непоправимый удар по народной культуре, нарушила культурное развитие поколений. Война всегда губительна для этнокультуры даже при временной оккупации территории, и Великая Отечественная война не явилась исключением. Чтобы восстановить хотя бы островки традиционной среды обитания людей, чья территория подверглась фашистскому нашествию, понадобились десятилетия [2].

Вся западная и северо-западная части европейской России, исторически наиболее устойчивая и богатая в фольклорном отношении, по которой прокатилась война и оккупация, оказалась разрушенной. Остались островки (отдельные небольшие районы и деревни), которые благодаря краткости

оккупации и отсутствия боевых действий, сохранили носителей фольклора.

Фольклор второй половины 40-х-начала 70-х годов – это фольклор, существующий как бы вне социально-духовных рамок, сложившихся в обществе. Он не только не вписывался в них, но и его искусственно выводили за рамки художественной жизни народных масс. Возникла ситуация, когда, несмотря на то что фольклорная традиция оставалась еще жизнотворной, сохраняла свои яркие формы, она не получала должной поддержки, оказывалась задавленной и противопоставленной художественной самодеятельности. Небрежение фольклорными традициями принимало резкие формы отторжения традиционных форм народной жизни.

Насаждение в массах как в городе, так и в деревне ценностей псевдонародной культуры или культуры, не воспринимаемой людьми (в частности, оперной, симфонической музыки, изобразительного искусства, классического балета и т.п.), вело к размыванию доступной, близкой народу культуры - народной. Установка на то, чтобы всех приобщить к вершинам музыкального, хореографического, драматического, изобразительного искусства пришла в противоречие с потребностями гигантского большинства населения, которое не могло в своей массе воспринять эти ценности.

Не миновал советскую художественную самодеятельность культ личности Сталина. В передовой статье журнала «Народное творчество» за 1939 г. под заголовком: «Создадим эпос сталинской эпохи» содержался призыв построить «на основе замечательных народных произведений» «Сталиниаду» – «...эпическое произведение мирового значения о героике нашей эпохи».

Навязанные в конце 70-х годов самодеятельным коллективам театральные постановки и инсценировки по мотивам литературных произведений Л.И. Брежнева были явным свидетельством стремления правящей верхушки сделать художественную самодеятельность «проводником» партийной идеологии. Это долгие годы определяло содержание «самодеятельности», связанной с методами социалистического реализма, ориентированной на освоение профессионального искусства и непризнание иных направлений в искусстве,

например, джаза в 50-е годы, вокально-инструментальных ансамблей в 60-е и т.д. [2, С. 43].

На протяжении многих десятилетий власти создавали искусственную систему праздников и обрядов, которые затем насильственно внедрялись в жизнь общества. Сегодня наиболее перспективно изучение не самой социалистической обрядности, а ее взаимодействие с традиционной культурой. Прижились ли обряды, выдуманные специалистами из "комиссий по советским традициям, праздникам и обрядам"? Празднуют ли теперь "посвящение в хлеборобы" или День рыбака? Что происходило, когда на традиционную систему сельских праздников накладывались новые и не совсем понятные советские праздники: 7 ноября, 23 февраля, 8 марта, 1 мая? Ответы на эти вопросы должны дать специальные исследования, посвященные социалистической обрядности, советским праздникам и их роли в развитии традиционной культуры.

По мнению одного из составителей словаря-справочника "Советские традиции, праздники, обряды" (1988), с середины 1980-х годов должен был начаться очередной этап развития социалистической обрядности, для которого должны были быть характерны такие тенденции, как "дальнейшее совершенствование системы социалистических праздников и обрядов", "повышение атеистического потенциала советской обрядности", "всемерная пропаганда и распространение безалкогольных праздников и обрядов" и так далее. Этим планам не суждено было сбыться. Распад Советского Союза и крах коммунистической идеологии остановил развитие социалистической обрядности.

Собственно о помощи фольклорному движению, сохранении народной культуры, необходимости принятия специальных правительственных мер против разрушения традиционной ауры народной жизни речи до начала 1980-х годов не было.

Итак, традиционная народная культура попала в XX веке в весьма нелегкое положение. Что-то здесь действительно было заторможено, что-то

разрушено. Но в целом культура все-таки выжила. Выжила, прежде всего, за счет своих низовых звеньев. Оказалось, что сломать веками складывающийся образ жизни не так-то просто. Несмотря на все гонения деревня, а в определенной мере и город с удивительной настойчивостью соблюдали православно-аграрный календарь и семейно-бытовую обрядность. Соответственно в этих рамках сохранялись обрядовые песни, народная хореография, театр ряженных, насыщенные народной музыкой и танцами досуговые развлечения. Низовая обыденная культура оказалась крепостью, которую большевикам, сколько бы они ни старались, взять не удалось. Эта культура упорно стояла на своём и практически не поддавалась никаким реформам [5, С. 122].

Таким образом, для народной художественной культуры XX века характерно игнорирование основополагающих принципов развития народного творчества, его демократической природы, навязывание не свойственных ему политических и идеологических функций, что влекло за собой серьезные проблемы в его развитии, падение его престижа, забвение многих жанров и размывание вековых пластов художественных традиций.

Историкам еще предстоит осмыслить, что же произошло с народной культурой в нашей стране в XX веке, почему столь много разрушено и утрачено, определить объективные причины происходящего, выявить субъективные факторы, отрицательно влияющие на развитие народной культуры.

Сегодня наступило третье тысячелетие и сегодня открывается новый период в истории народной художественной культуры – период ее возрождения, период осознания важности, ее огромной воспитательной роли и осмысления ее высокой художественной ценности.

Список литературы

1. Байбурин, А.К. Проблема «Фольклор и этнография» сегодня / А.К.

Байбурин // Российская наука о человеке: вчера, сегодня, завтра. – СПб., 2003. – С. 14.

2. Каргин, А.С. Народная художественная культура: Курс лекций: Учебное пособие / А.С. Каргин. – М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 1997. – 288с.
3. Неклюдов, С.Ю. После фольклора / С.Ю. Неклюдов // Живая старина. – 1995. – № 1. – С. 4.
4. Неклюдов, С.Ю. Фольклор современного города / С.Ю. Неклюдов // Современный городской фольклор. – М., 2003. – С. 5-24.
5. Стрельцова, Е.Ю. Народное художественное творчество как объект научного исследования: Опыт историко-эпистемологического изыскания / Е.Ю. Стрельцова. – М., 2003. – 248 с.
6. Тульцева, Л.А. Современные праздники и обряды народов СССР / Л.А. Тульцева. – М., 1985. – С. 20.